

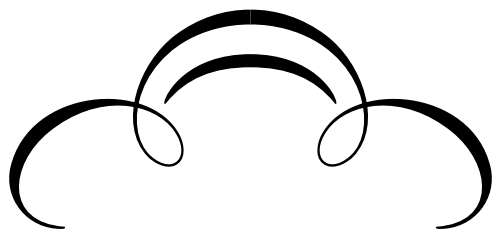
ПАВЕЛ СУРКОВ

**ОРЕХОВЫХ
ДЕЛ МАСТЕР**

ЧУДЕСНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

WWW.CHUDESNOT.RU

ОРЕХОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Подлинная история об Орехе Кракатуке,
Мышином Короле и Эрнсте Теодоре
Амадее Гофмане

Павел Сурков

1. Город Гаммельн, 26 июня 1284 года

У бургомистра славного города Гаммельна осталась последняя надежда.

Последняя надежда сидела прямо перед бургомистром и пила лучшее рейнское вино из бургомистровых запасов – в довершение всей наглости еще и из его любимого, бургомистрового, серебряного кубка.

У последней надежды были длинные спутанные рыжие волосы, ниспадавшие на узкое вытянутое лицо, на котором выделялись острый нос и огромные голубые глаза. Последняя надежда сделала очередной глоток, снова наполнила кубок до краев, икнула, откинулась на спинку стула и хрипло проговорила:

– Итак, бургомистр, у вас, насколько я понимаю, проблемы.

– Не просто проблемы! – всплеснул руками бургомистр, понявший, к радости своей, что разговор наконец-то зашел в нужное русло. – Беды! Настоящие беды, господин... как вас, простите?

– Фолиаль, – проскрипел сквозь зубы визитер, – Проспер Фолиаль Альпанус, придворный ученый советник герцога Нортумберлендского, его величеств королей испанского и португальского, обучавшийся в Индии и Мавритании, постигший... Впрочем, что вам толку от перечисления моих ученых заслуг, господин бургомистр, верно? – и с этими словами он осушил кубок почти что наполовину и довольно икнул.

– Я ни в коем разе не хотел преуменьшить значение ваших безусловных заслуг, – пролепетал бургомистр, – но дело в том, что действовать надо безотлагательно, в на-

шем сегодняшнем положении каждая минута обходится нам чрезвычайно дорого.

– Именно, – кивнул Фолиаль. – Я вас слушаю.

– Все дело в крысах, – осторожно начал бургомистр.

– В крысах? – переспросил Фолиаль. Его левая бровь чуть приподнялась, а взгляд из хмельного стал неожиданно острым, точным и пронзительным.

– И еще в мышах, – добавил бургомистр.

– Значит, в мышах, – пробормотал Фолиаль. – А что же такого случилось в вашем городе с крысами да мышами, что вам вдруг срочно понадобилось мое содействие?

– Истинное нашествие хвостатых тварей, – с горечью произнес бургомистр, – третий месяц уже. Сперва вылезали по ночам, а теперь уже и света белого не боятся. Выползают из своих нор и сжирают все, до чего могут дотянуться: от зерна до свечного сала... Впрочем, какое там зерно – зерно они сожрали в первые две недели!

– А коты? – удивленно спросил Фолиаль. – Когда-то город Гаммельн славился своими мышеловами чрезмерной степени пушистости.

– Ах, какие коты, что вы! – покачал головой бургомистр. – Котов они извели за три дня – кого просто загрызли, а кто поумней да поосторожней был – я имею в виду котов, конечно же! – сбежал из города, только их и видели. Мы ж что только не пробовали – и известью травили, и серой жгли, два квартала спалили, еле потушили рынок, но все тщетно. Число этих тварей не убывает. Да вот, сами поглядите! – и с этими словами бургомистр ткнул пухлым пальцем в сторону потухшего камина: из его глубины медленно вылезли три толстых, перепачканных в саже, крысы, схватили потухшую головешку и утянули ее обратно, внутрь.

– Поразительное зрелище! – осклабился Фолиаль. – Так хотелось бы уточнить – а какое вознаграждение ждет того молодца, который избавит вас от сей страшной напасти?

– Все, что пожелаете, господин Фолиаль! – бургомистр даже подскочил на месте. – Любое сокровище из городской казны станет вашим!

– Так уж и любое? – прищурился Фолиаль.

– Любое! – быстро-быстро закивал бургомистр. – Только укажите перстом.

– Укажу, – неожиданно тихо сказал Фолиаль и, помолчав несколько секунд, одним резким движением выбросил вперед длиннопалую правую руку. – Скрепите!

Бургомистр осторожно пожал кончики пальцев Фолиалья.

– Скреплено и засвидетельствовано, – сухо сказал Фолиаль.

– Кем засвидетельствовано? – осторожно спросил бургомистр, оглядываясь по сторонам. – Тут, кроме нас, никого и нет.

– Истинно видимое не всегда видно, – широко улыбнулся Фолиаль, продемонстрировав широкие и крепкие, как у лошади, резцы. – Поверьте, свидетелей вполне достаточно, – и с этими словами он резко поднялся со стула. – Ну, что же, я готов приступить.

– Что, прямо сейчас? – пролепетал бургомистр.

– Нет, если вы, конечно, намерены ждать, то я готов, – пожал плечами ученый, – но мне казалось, что вам надо решать проблему немедленно. Или я не прав?

– Правы-правы! – замахал ручками бургомистр. – И что же вам нужно для начала?

– Ничего, – коротко бросил Фолиаль, – у меня все с собой.

Он повернулся на каблуках и уверенным шагом направился к выходу. Как только за ним закрылась дверь, бургомистр наконец-то расслабленно осел в кресле.

– В самом деле, чем я рискую? – прошептал он. – Если у этого не получится – ничего не изменится, а если получится – что ж, тогда и разберемся.

Он прокашлялся и громко позвал:

– Ганс!

Потайная панель в левой части зала отодвинулась, и оттуда показалась улыбающаяся физиономия верного Ганса, человека, исполнявшего при бургомистре функции камердинера, казначея и личного соглядатая.

– Я все слышал, ваша милость, – медоточиво произнес Ганс. – За ним уже отправлены лучшие люди, проследят и доложат, не извольте беспокоиться.

* * *

Фолиаль тем временем уже дошагал до Ратушной площади, быстро подошел к пересохшему фонтану (крысы перебили трубу третьего дня), остановился и огляделся: хвостатые зверюги шныряли то тут, то там, совершенно не боясь прохожих.

– Ну, что же, начнем, – пробормотал пришелец и, порывшись в складках плаща, извлек откуда-то маленькую деревянную дудочку. Покрутил ее своими тонкими длинными пальцами и приложил к губам.

Спустя много лет жители города Гаммельна будут вспоминать о том, какую мелодию играл тогда Фолиаль – но никто, даже сам мейстер Фейшнер, учитель музыки и превосходный композитор, что сочинил рождественский хорал для собора Святой Бригиты, не смог воспроизве-

сти ни одной ноты из этой мелодии, ни одна музыкальная фраза не была подобрана – но все, кто слышал мелодию, сыгранную Фолиалем – а слышал ее практически весь город! – утверждали в один голос: то была самая прекрасная мелодия, что когда-либо ублажала человеческий слух.

Мелодия плыла над опустевшими улицами, раскручивалась неторопливой змеей – Фолиаль шел меж домов, наигрывая себе на дудочке, а за ним длинной черно-рыжесерой рекой двигались крысы и мыши, хвостатое бедствие Гаммельна: вылезали на звук и словно приклеивались к подошвам Фолиаля, неотступно следуя за ним – хвост в хвост, плотным потоком, они сбегали по стенам, выплескивались из нор и щелей и бежали, ползли, спешили вслед на мелодией. А Фолиаль все шел и шел по городу, и живая процессия за ним становилась все длиннее и длиннее.

Когда он вышел за городские ворота, что немедленно распахнулись перед ним – привратники все поняли без единого слова – живой поток лился из города еще час с четвертью. И лишь когда последняя крохотная мышка, торопясь за своими товарками, пересекла городскую черту, ворота немедленно захлопнулись.

В городе не осталось ни единой крысы или мыши. Дудочник увел всех за собой.

* * *

Он вернулся спустя три часа, когда закатное солнце уже почти скатилось за верхушки деревьев леса, прилежавшего с запада к городской стене. Также молча прошел мимо стражи, распахнул дверь в зал приемов – и снова уселся перед бургомистром, которому верный Ганс уже успел, запыхавшись, доложить о возвращении Фолиаля.

– Я уж не знаю, как благодарить вас, доктор! – радостно восклицал бургомистр, но Фолиаль остановил его резким движением руки.

– Я надеюсь, что вы, мой господин, человек чести, – хрипло сказал он. – Я пришел, чтобы получить свою награду.

– Все, что угодно! – расплылся в улыбке бургомистр. – Я сейчас же прикажу распахнуть двери казны...

– Не стоит беспокоиться, – покачал головой Фолиаль, – моя награда находится сейчас в этом зале.

– Да, и где же? – заинтересованно спросил бургомистр. – Только укажите, любезный друг, и она немедленно станет вашей, клянусь честью!

Фолиаль усмехнулся, подмигнул бургомистру – и вытянул вперед указательный палец, нацелившись прямоком на бургомистрову грудь.

– Что вы имеете в виду? – проговорил тот. – Я вас не понимаю?

– Вот это, на цепочке, – просипел Фолиаль. Усмешка не сходила с его лица.

– Но это же... ключ от города? Знак бургомистрской власти? – ошалело прошептал бургомистр. – Вы хотите...?

– Я хочу. Вы обещали. Все, что я пожелаю, – коротко сказал Фолиаль. – Я желаю это. Отдайте.

И он протянул бургомистру раскрытую ладонь.

Бургомистр резко отшатнулся.

– Какая наглость! – воскликнул он. – Какая вопиющая наглость!

– Наглость? – проговорил Фолиаль, и его взгляд померк, в голубых глазах зажегся странный огонек. – Не вы ли дали мне слово, что я могу взять любую награду? Вы понимаете, чего может стоить вам отказ от вашего слова?

– Да за такую наглость, господин Фолиаль, я вас немедленно прикажу бросить в темницу! – закричал бургомистр. – Или вы немедленно измените свое мнение, или я прикажу позвать стражу!

– Стражу? – Фолиаль вдруг вскочил и захохотал. Его смех сухим горохом рассыпался по полу и вдруг оборвался. – Не стои утруждать себя, бургомистр. Вы отказались от своего слова – и я просто уйду, взяв тогда иную награду.

И с этими словами он направился к двери.

– Только попробуйте что-либо украсть! – завопил бургомистр ему вслед. – Мои люди неотступно следят за вами! И если вы коснетесь хоть чьего-либо добра – вас ждет виселица, уж не извольте сомневаться!

Фолиаль издал еще один смешок и скрылся за дверью. Теперь уже – навсегда.

* * *

Оказавшись на улице, он понял, что за ним следят – десятки глаз вперились ему в спину, немногочисленные прохожие шушукались, указывая на Фолиала пальцем. Он огляделся – и вдруг его лицо словно осветилось: он быстрым шагом направился в ближайший проулок, где около зеленой лавки стояла странная парочка: молодая женщина в ярко-синем платье и едва доходящий ей до пояса карлик в расшитом красном камзоле и зеленых сапогах. Женщина улыбнулась Фолиалу и царственным жестом протянула ему руку.

– Дорогая Розабельверде, – Фолиаль припал к ее пальцам, – чрезвычайно рад вас видеть, – он обернулся к карлику и сухо кивнул ему. – Министр Циннобер, также рад нашей встрече. Вы что-то хотели мне сообщить?

– Не надо, Альпанус, – покачала головой Розабельверде, – по-моему, вы заигрались.

– Отчего же? – улыбнулся Фолиаль. – Я лишь соблюл договоренности. Я заберу то, что причитается – и мы будем в расчете.

– Сколько? – проскрипел карлик тоненьким голоском.

– Сколько их здесь?

– Сотня и еще тридцать, – четко сказал Фолиаль.

– Больше, чем во всех окрестных селениях, – вздохнула Розабельверде. – И вы хотите увести их всех из города?

– Навсегда увести из города, – кивнул Фолиаль. – Всех детей Гаммельна. Лишить обманщиков детского смеха и воплей радости. Лишить город будущего.

– Это жестокая кара, жестокая даже... для меня, – буркнул карлик.

– Министр Циннобер, вы знаете, что дети будут под моим надзором, и я не позволю, чтобы с ними случилось, что-то плохое, – покачал головой Фолиаль. – Оставлять их в городе лжецов – за что им такая кара?

– Не пытайтесь спрятать собственную обиду за деланным благородством, – сказала Розабельверде, а затем коснулась плеча Фолиаля своей прекрасной рукой. – Вы уверены?

– Абсолютно, душа моя, – кивнул Фолиаль. – А теперь прошу меня простить. Я спешу.

Он еще раз поклонился Розабельверде и Цинноберу и, не оглядываясь, зашагал в сторону Ратушной площади. Оставшиеся двое долго смотрели ему вслед, а когда Фолиаль скрылся за поворотом, Розабельверде тяжело вздохнула:

– Видимо, пророчество так и исполняется. Что ж, мой маленький друг, давайте сюда Кракатук. Нам пора возвращаться.

Карлик порылся в карманах камзола и извлек на свет бархатную коробочку. Раскрыв ее, он вынул оттуда маленький золотой орешек и протянул его Розабельверде – та кивнула Цинноберу и, осторожно взяв орех указательным и большим пальцем, что-то прошептала.

И оба – и прекрасная женщина в синем платье, и карлик в расшитом камзоле – немедленно исчезли, и никто в славном Гаммельне их никогда более не видел.

А мелодия Фолиаля снова поплыла над крышами города...

2. Варшава, весна 1806 года.

Это был такой же винный погребок, как и десятки других – он повидал их немало и уже по кисло-сладкому запаху мог сразу же понять то настроение, которое преобладает в заведении: радушен ли хозяин, готов ли обсчитать или, напротив, нальет рюмку-другую за так и не возьмет ни гроша, какие люди будут соседствовать на скамьях, и прочая, и прочая, и прочая.

«Я становлюсь пьяницей,» – опять мелькнула в его голове шальная мысль, давно торчавшая где-то на задворках сознания, словно заноза, но то и дело выскакивавшая на первый план размышлений. – «Опускаюсь на самое дно. А что, собственно, поделать? Будем продолжать пить».

Он и продолжил.

Когда через два часа хозяин принес очередную – вторую? третью? – бутылку вина и уже точно вторую четверть головки сыра, жизнь уже не казалась столь паршивой: пока есть вино (ну и, возможно, сыр), понятно, как можно дотерпеть хотя бы до рассвета.

– Господин Гофман, – неожиданно произнес кто-то над его левым ухом. – Вы не очень заняты?

Он обернулся – и встретился взглядом с невысоким плотным человеком в сером кафтане с накрахмаленным шейным платком. Человек сжимал пивную кружку, но взгляд у него был абсолютно трезвый, яркий, осмысленный.

– Ну, если не считать того, что в ближайшие полчаса я буду серьезно занят борьбой с этим куском сыра – то не слишком. Садитесь, будем бороться вместе, – он постарался быть максимально любезен, но хмель давал знать свое.

– Меня зовут Месмер, – представился незнакомец, усаживаясь рядом. – Возможно, вы слышали обо мне.

Он порылся на задворках угасающей памяти – что-то возникло из дальних дебрей, но затем снова растаяло в пустоте хмельного веселья.

– Я занимаюсь генерацией флюида, и уже получил поддержку некоторых весьма высокопоставленных особ. Вы, конечно, слышали о флюиде, не так ли?

– Да, что-то слышал, – он кивнул, стараясь не делать резких движений – это, кажется, некая новая метода излечения от разнообразных хворей.

– Совершенно верно, – Месмер похлопал его по плечу, – абсолютно верно: метода, которая позволяет бороться с любыми хворями. С любыми, друг мой! Но дело не в этом – я пришел к вам совсем не для того, чтобы говорить о своей методе. Я пришел, потому что увидел это.

И с этими словами он извлек из кармана сложенный листок бумаги, развернул – и, конечно же, не узнать изображенное было невозможно.

– О, кому-то нужны мои росписи дворца Мнишков! – Гофман чуть хохотнул. – А мне говорят, что я не такой уж и хороший художник!

– И что, позвольте полюбопытствовать, вы хотели тут изобразить, вот на этой росписи, коию для меня любезно скопировали некие дворцовые подмастерья? – прошептал Месмер.

– Ничего особенного – обычный узор, просто розетка для украшения, не более того, – пожал плечами Гофман.

– О, не скажите, я же вижу, что именно вы имели в виду – почему вы поместили по центру розетки именно это? – Месмер ткнул пальцем с аккуратно наманикюренным ногтем прямиком в рисунок.

– Орех? – пробормотал Гофман.

– Вот именно! Орех! – вплеснул руками Месмер. – Понимаете, все дело именно в орехе! Именно в нем, и ни в чем другом! Скажите, вам кто-то подсказал этот ход, или вы сами догадались?

– Догадался о чем? – хмель начал покидать разум Гофмана, но он по-прежнему не понимал, что Месмер имеет в виду.

– Скажите, я правильно понимаю, что сегодня вы никуда не спешите? – Месмер схватил Гофмана за локоть. – Я расплачусь за вас, поедemте ко мне, я все вам покажу и объясню. Ну же! Вы готовы?

– Отчего бы и нет? – растерянно проговорил Гофман. – Раз вы настаиваете – тогда едемте.

* * *

Дом у Месмера оказался ровно таким, каким и должен был быть у человека, погрязшего в изучении вещей, неподвластных рядовому разуму – тяжелое строение серого кирпича где-то на окраине города (Гофман запутался в многочисленных поворотах и примерно на пятой минуте пути бросил даже отслеживать, что знакомого пронеслось за окнами кареты). Дверь открыл хмурый слуга в зеленой ливрее, освещая путь массивным подсвечником, он провел их в библиотеку, где уже горел уютный камин и были зажжены все свечи, позволяя увидеть доходящие до самого потолка книжные шкафы. Месмер усадил Гофмана в большое кресло прямо перед камином, налил бокал кларета – и отправился рыться в каких-то рукописях, разбросанных на широком столе с бронзовыми львиными лапами вместо ножек.

– Орех! – говорил он, шелестя бумагами. – Орех – вот то, что объединяло и привлекало человечество издревне – и никуда нам не деться от этого символа... Хотя – почему символа? Кстати говоря, что вы знаете об орехах, мой друг?

– В общем-то ничего, – пожал плечами Гофман. – Я их и есть-то особо не люблю.

– Поразительно! – воскликнул Месмер. – Поразительно, каким невероятным образом истина проникает в мир! Кажется, человек имеет в виду нечто совсем иное – а в итоге выходит, что он, сам того не ведая, глаголет великое, единственно верное! Это я о вас, друг мой! Вы каким-то образом погрузились в самую суть мироустройства – и отразили его в ваших рисунках.

– Что именно вы имеете в виду? – с улыбкой спросил Гофман: кларет оказывал поистине волшебное воздействие на всего его члены – расслаблял, погружал в тепло и успокаивал, он был готов слушать любую болтовню Месмера часами.

– Ровно это! – Месмер выхватил из кипы бумаг несколько желтоватых листков и ринулся к Гофману. – Вот, смотрите сами! Теперь понимаете, о чем я говорю?

Гофман взгляделся в поднесенный Месмером рисунок – перед ним была старинная карта с многочисленными надписями на латыни.

– Что это? – удивленно спросил Гофман.

– Это карта Рима времен Тиберия: вот, посмотрите – это Палатинский холм, где жила семья императора, а вот ровно под ним – Большой цирк, Circo Massimo, одно из самых крупных строений в городе, здесь проводились и соревнования колесниц, и ставились тысячные мистерии... Одним словом, перед нами – центр главного города мира.

А теперь взгляните внимательнее в абрисы центральных построек. Видите? Понимаете?

Месмер сделал паузу – и Гофман решил попробовать понять, что же имеет в виду этот странный человек.

И тут он увидел.

Орех выплыл на него из карты, проявился весь, целиком, проступил сквозь паутину древних улиц и сетку зданий – четкий, понятный контур огромного ореха, накрывавший собою границы Большого цирка и части холма рядом – Орех был не просто замечен в городе, он, собственно говоря, и был этим городом.

Гофман молчал, пораженный, вглядываясь в старинную карту, а Месмер издал короткий смешок:

– Я все понял по вашему лицу, друг мой. Да, вы его увидели – осталось понять главное – у любого Ореха, даже у этого, есть ядро и сердцевина – и надо уметь вычленять ее из Ореха, дабы проникнуть в самую суть его... Видите, центром этого Ореха, его ядром является императорская ложа Большого цирка – и видите вот эту линию? Знаете, что это? Это подземный ход, который вел напрямик из дома императорской семьи в ложу, путь, которым всегда можно было уйти незамеченным, тайный ход в Ядро без разрушения целостности Ореха... Понимаете?

Гофман просто кивнул – вымолвить что-либо он не мог.

Интродукция 1

Из записок доктора Реджинальда Клэна, специалиста по европейской истории, профессора Института Мировой Истории, Чикаго, руководителя Второго Отдела Управления.

Одной из самых ярких страниц в жизни Гофмана представляется его дружба и переписка с известным ученым, врачом, Францем Антоном Месмером (1734 – 1815), создателем учения о «живом магнетизме». С Месмером Гофман переписывался на латыни, которую они оба знали – молодой писатель и его старший товарищ обменивались заметками, многие из которых Гофман затем воплотил в своих книгах. Так, именно Месмер рассказал Гофману почерпнутую им из древних трактатов идею о «Мировом Орехе», таинственной символической структуре, которая привлекала еще древних философов, желающих добраться в своих исследованиях до «ядра познания».

В нашей работе мы считаем необходимым привести фрагмент письма Месмера Гофману (ориентировочно, датированное 1809 годом, так как в письме упоминается дом Месмера в Меерсбурге, где в упомянутом году он постоянно жил, однако достоверно установить дату нам не удалось – Месмер владел несколькими домами под Меерсбургом с начала XIX века) о его толковании этой теории, и об исследовании некоторых исторических аспектов.

Письмо Месмера

Dico autem vobis amicis meis, ut Herodotus et Diodorus offenderunt amet rationem legis Nucis Nucleus saltusque intima ejus, quae scientiae secundum praedicta, in Atlantis. Rursus demerguntur et historicis poli In insulam ostio nucleum moverit – similis, da mihi signa describuntur map. Hinc credo inveni Atlantis finem.

Sed ut ad Nuclei Core tamen possibile est ut cum pertinacia crede profecto..

Multae viae – sed Nucem videtur naturalis sedem universalis Fluidi, quae mihi communia iterum confirmatur.

Librum tuum exspecto - dimittite eam celeriter cognitam alloquerer Meersburg in diam.

Manent enim tuus sim fidelis,
Franz¹

---

1. Доложу я тебе, мой юный друг, что при чтении Геродота и Диодора наткнулся на ключевую мысль об Орехе, его Ядре и проходе к Ядру, что, по мнению вышеозначенных ученых, содержалось в Атлантиде. При историческом повороте полюсов и погружении острова, вход в Ядро сместился – как, посмотри на обрисованной мной карте с пометками. От того, полагаю, Атлантида и обрела свой конец.

Но добраться до Ядра, тем не менее, все равно можно, что ты, с твоим юношеским упорством, бесспорно сделаешь.

Путей много – но Орех, судя по всему, и был вместилищем естественного вселенского Флюида, что еще раз подтвердило мою теорию.

3. Санкт-Петербург, декабрь 1816 г.

Вьюга бросалась снежными хлопьями в стекло, случайные экипажи то исчезали в темноте, то вываливались в узкий свет редких фонарей. Василий Андреевич Жуковский еще раз перечитал только что полученное письмо, встал и прошелся по комнате.

Это была чрезвычайно волнующая корреспонденция: Гофман писал скорописью, по-русски, допуская бессознательные ошибки, но Жуковскому льстило, что немец не прибегал к услугам переводчика. Гофман составлял фразы аккуратно, казалось, что это обычное письмо от одного литератора к другому, но Жуковский прекрасно понимал, что Эрнст имеет в виду нечто совершенно особенное – и чрезвычайно конкретное.

Но где зашифровано то, что на самом деле имеет в виду Гофман? Как убедиться в том, что Василий Андреевич его правильно понял?

Жуковский пододвинул свечу поближе и поднес бумагу к свету. Еще раз пробежал глазами немногочисленные строчки:

«Любезный государь мой Василій Андреевичь!

Прочель вашихъ «Пѣвца во станѣ» и «Молитву русскихъ». Сколь сильна ваша муза, не устаю поражаться! Пошлагаю вамъ текстъ своей недавней сказки – Nußknacker und Mausekönig – коію здѣсь, въ Пруссіи дѣти хорошо принимаютъ, а родители почитаютъ за мой успѣхъ. Не соблаговолите ли написать мнѣ о возможности вашего перевода сѣй сказки для русскаго читателя – какъ думаю я, что эта исторія можетъ заинтересовать оныхъ.

Вспоминаю нашъ разговоръ о *canzione* Бортнянскаго – если увидите съ нимъ въ Петербургѣ, соблаговолите спросить, не заинтересованъ ли онъ въ написаніи *cantata* по сюжету сѣй сказки, гдѣ вы могли бы стать сочинителемъ *libretto*?

Жду отъ васъ книги, а географическія карты въ свою очередь обѣщанные мной, отдамъ со слѣдующей же оказіей.

Вашъ совѣтникъ Эрнестъ Гофманъ,
октября 17, 1816 лѣта»

Письмо было давним – прошло почти полтора месяца с момента написания. Что задержало послание – то самое, которое должно было быть доставлено куда быстрее? Человеческая сознательная рука или привычная русская нерасторопность – Жуковский не ведал. Зато подозревал всякое: мало ли, что может случиться. И осторожный Гофман, судя по всему, тоже что-то подозревал.

Он вспомнил, как во время их последней встречи они обсуждали пути тайнописи – как передать в любом письме самую суть послания. Они не пришли тогда к единому мнению, и даже о мало-мальски понятных шифрах не договорились: Жуковский спешил с визитом к графине Потоцкой, а Гофмана ждали на приеме в честь Наследника Цесаревича. И лишь при прощании, коснувшись ладони Жуковского своими тонкими музыкальными пальцами, Гофман полупрошептом проговорил:

– Наши маленькие друзья все равно смогут учуять то, что не учует никто.

Жуковский еще раз повертел в руках письмо и решил обратиться ко второй части пакета – прекрасно изданной книге, той самой сказке, о которой шла речь.

Жуковский посетовал, что руки не дошли даже наискось прочитать сочинение Гофмана – может быть, ключ был именно в книге. Но письмо пришло поздно, слишком поздно, до Рождества оставалось не так много времени, и Василий Андреевич решил действовать безотлагательно.

Из тумбы стола он извлек небольшой фонарь, навроде тех, что используют французские *mineurs*, зажег внутри свечу и, с фонарем в одной руке и с книгой и письмом в другой, подошел к одной из книжных полок, чуть нажал на нее – и шкаф медленно отъехал в сторону, обнажив небольшой темный прямоугольник потайного выхода.

Жуковский, освещая себе путь фонарем, двинулся во тьму.

Спустившись на два этажа вниз по узкой лестнице, он оказался в маленькой комнате, где, собственно, и жил тот, на встречу к кому он спешил.

– Явился, – проскрипел тихий голос из темного угла, – я уж и не чаял, когда догадаешься.

– Так ты – знал? – не поздоровавшись, Жуковский поставил фонарь на грубую деревянную скамейку у стены.

– Не просто знал, – ответил голос. – Чужал. Все дело в бумаге. Конечно, в бумаге – Маленький Народ слышит запахи куда лучше вас, полукровок. Мэтр Альпанус наделил вас, потомков Детей Гаммельна, невероятной интуицией, но то, что умеем мы – этого вам не достичь никогда. Ни вам, ни вашим детям, что уж... Поверни-ка книжку, чтобы мне было видно название.

Гофман чуть наклонил книгу в сторону говорящего.

– Ага, вижу, вижу и слышу... Там одна страница внутри пропитана нужным раствором. Видимо, все и дело в ней. Начинай листать, я скажу, когда надо остановиться.

Жуковский принялся переворачивать страницы, пока голос резко не воскликнул:

– Стой! Вот оно, смотри внимательно! Правая страница. Приблизь свет, сейчас пойдем, что он имел в виду...

Голос ненадолго замолк, было слышно, как невидимый говорящий тяжело дышит – а затем из темноты послышался тихий смешок:

– Ловко, ай ловко! Он пропитал одну страницу эссенцией – и пометил нужные слова! Приглядиись, он же просто подчеркнул их ногтем.

Василий Андреевич подскочил к книге, и, освещая фонарем нужную страницу, увидел – под несколькими словами виднелись тоненькие отметины, и из этих слов складывалось предложение:

Achten Sie darauf von Nußkerns².

– Ну, теперь-то ты все понял? – тихо прошептал ехидный голос.

4. Нью-Йорк, апрель 2016 г.

– Познакомьтесь с Паффни, – Вера Кьют аккуратным жестом пригласила Клэна пройти в лабораторию, – он живет здесь, в клетке номер четыре, по правую сторону.

– И что в нем удивительного? – Клэн остановился перед клеткой, где медленно прохаживалась вдоль стенок упитанная белая крыса. – Мне кажется, таких экземпляров хватает в любом зоомагазине.

– О, Паффни – не просто удивителен. Он – настоящее чудо, вот, обратите внимание, – и с этими словами Вера показала на маленькую табличку рядом с клеткой. – Я бы посоветовала вам взглянуть на дату.

– Февраль 1994 года? Но позвольте, то есть ему...

– Да, ему двадцать два года, – кивнула Вера. – И он, как вы видите, весьма бодр. И, замечу, чрезвычайно активен – недавно он в тридцатый раз стал счастливым отцом. Обычные крысы живут до трех лет, долгожители – четыре года, но обычная продолжительность жизни у них – до двух с половиной лет. Паффни – истинный Мафусаил в крысином мире.

– И чем же объясняется столь долгий срок его жизни? – поинтересовался Клэн. – Специальным уходом?

– Конечно, у нас ему живется очень хорошо, – улыбнулась Вера, – но дело не в условиях проживания, а в происхождении Паффни. Он – мутант, один из наших лучших образцов: мечта геронтолога – в организме Паффни присутствует иной, чужеродный ген, который не просто добавил ему срок жизни, но и улучшил качество этой жизни. Паффни чувствует себя ничуть не хуже молодых годовалых самцов, несмотря на столь солидный возраст.

– И чей же ген вы в него загрузили? – Клэн приподнял бровь. – Только не говорите, что человеческий.

– Нет, не человеческий конечно же, – покачала головой Вера, – мы не ведем эксперименты с человеческим материалом, во всяком случае, – тут она прищурилась, – не делаем этого в рамках публичного пространства, а именно в нем мы с вами сейчас и находимся. Нет, в Паффни имеется ген слона.

– Слона? – переспросил Клэн.

– Ну да, – Вера протянула руку в клетку и погладила шерстку Паффни. – Слон живет примерно 50 лет, по крысиным меркам – так вообще вечность.

– Но ваш Паффни, конечно же, не бессмертен? – Клэн сделал шаг назад, оглядывая все помещение лаборатории.

– Конечно же, нет! – хихикнула Вера. – То есть для других крыс он, наверняка, представляется бессмертным, но нет – Паффни, увы, смертен. Правда, покинет он нас, я надеюсь, не скоро, еще лет восемь, судя по всему, у нас есть в запасе.

– И есть ли какая-то практическая польза от ваших исследований?

– Конечно, – спокойно сказала Вера, – любой исследователь расскажет вам о теоретических выкладках, полученных в результате его изысканий, а также о том, как можно эти результаты применить. Мы же передаем наши результаты фармакологическим компаниям, чья деятельность уже много лет направлена на борьбу со старением. И, кто знает, может именно благодаря Паффни на свет скоро появится если не таблетка от бессмертия, то уж от старости – точно.

– Это обнадеживает, – Клэн покачался на каблуках. – Кстати, давно хотел у вас поинтересоваться – почему для медицинских экспериментов в свое время были выбраны именно крысы и мыши?

– Ну, это совершенно не удивительно! – Вера налила в поилку свежую порцию воды. – Скоростное размножение. Доступность. Грубо говоря – их много и их не жалко.

– Странно слышать подобные вещи от красивой девушки, – ухмыльнулся Клэн. – Мне казалось, вы симпатизируете вашим маленьким друзьям.

– Именно так, симпатизирую, – неожиданно серьезно сказала Вера. – Но я – ученый, мистер Клэн, и в некоторых вещах могу быть довольно циничной. Так что не удивляйтесь – в данном случае я лишь констатирую факт. Увы, но крысы и мыши для нас – эффективный биологический материал. Чрезвычайно полезный и порою – предельно ценный, как в случае с Паффни.

– И много у вас таких материалов?

– Я знаю, что вас интересует, иначе бы Управление вообще вас не посылало, – строго проговорила Вера. – Что ж, я покажу вам то, за чем вы сюда пришли.

И она быстрым шагом двинулась вперед, в глубину лаборатории. Клэн, поправляя халат, проследовал за ней.

Вера остановилась около большого окна и резко повернулась к Клэну.

– То, что так интересует ваших генералов, находится здесь, в Блоке номер четыре. Смотрите сами.

Клэн подошел к окну – перед ним открылось небольшое помещение, где на усыпанном опилками полу лежали три длинных серых тела размером со среднюю собаку. Их бока тяжело приподнимались в размеренном ритме дыхания – иных признаков жизни они не подавали.

– Ген кита и гамбийская крыса, – послышался голос Веры, – получается вот такое чудо. Умнейшие существа, гамбийских крыс, например, используют для поиска противопехотных мин – крыса находит «лепесток» по запаху,

останавливается, и для сапера не остается ничего, как подойти и обезвредить ловушку. Но наши гамбийцы превосходят стандарты раза в полтора. Не очень понимаю, зачем они нужны Управлению.

– Поверьте, очень нужны, – в первый раз за этот разговор улыбнулся Клэн. – Это великолепная работа. Спасибо. Мы даже не ожидали подобного результата. Командор будет доволен.

5. Кносс, остров Крит, Греция, июль 1809 года

Георгиос оставил его одного, а ему только то и было надо. Гордон опустился на ближайший камень – нога страшно болела и ходить было совершенно невозможно. Растирая колено, он оглядел великолепный пейзаж, раскинувшийся перед ним.

Холм, под которым, по преданию, был скрыт дворец Миноса, завершался несколькими древними развалинами. Гордон достал блокнот и несколькими штрихами обозначил их контуры и расположение – первым делом он четкой стрелкой отметил северное направление на этой импровизированной карте – так будет проще сориентироваться впоследствии.

Дальше начиналась Настройка – самая сложная часть процесса, которую следовало проводить с наивысшей осторожностью: любая ошибка тут могла быть чревата. Поэтому Гордон прислонился к ближайшему дереву, упер трость в землю и закрыл глаза.

Поток шел через него, напрямую – он верно выбрал место, да и проводники не соврали: это было здесь, прямо здесь, под ногами, он прямо-таки ощущал, как жар, исходящий из Ядра, просто прожигает подошвы сапог, и как сила, струящаяся внутри Ядра наполняет его новыми силами – даже нога перестала болеть. Гордон потерял ощущение времени – казалось, что он стоит так несколько часов, хотя на самом деле пролетели от силы несколько секунд.

Гордон открыл глаза – если бы в этот момент кто-то встретился с ним взглядом, то поразился бы, как изменил-

ся цвет его зрачков: они стали огненными, ярко-рыжими, словно их наполнил какой-то потусторонний внутренний свет.

– Ну, наконец-то! – воскликнул за спиной Гордона женский голос. Тот обернулся – и расплылся в улыбке.

– Тильда! Наконец-то! Я уж и не думал, – он склонился в почтительном поклоне.

– Оставьте себе эти нежности и условности, Вельветин, – проворчала Тильда, быстро проходя мимо Гордона и ловко спускаясь к Лабиринту. – Вы сделали все верно, за что и я, и мой сын будем вам неизмеримо благодарны, – она чуть призадумалась, оглядываясь по сторонам. – Все именно так, как я и предполагала. Все именно так.

– Что именно вы предполагали, осмелюсь спросить? – осторожно проговорил Гордон.

– Розабельверде предупредила меня об опасностях, которые скрывают в себе Древние ходы, – тихо сказала Тильда. – Но я и подумать не могла, что все настолько...

– Опасно? – подсказал Гордон, но Тильда мгновенно осекла его резким кивком.

– Нет, не опасно. «Опасно» – это совершенно не верное слово, уж вы-то, мастер стиха, лорд Байрон, могли бы догадаться! – в ее голосе проступили жесткие и в то же время ворчливые нотки. – Дело не в опасности. Дело в сложности и хрупкости. У меня есть ощущение, что перед нами – сложный и древний хрустальный прибор – только прикоснись без должного почтения или умения – и он рассыплется в стеклянную муку, в прах.

Она сделала еще несколько шагов вперед, Гордон не двинулся с места.

– Где Франц и Крис? – спросила Тильда, не оборачиваясь.

– Позвать? – уточнил Гордон. – Они здесь, рядом.

– Зовите, – кивнула Тильда. – Пусть будут нашими разведчиками.

Гордон чуть присвистнул – и уже через секунду тонкие фигурки Близнецов возникли рядом с Тильдой. Франц и Крис, как всегда, исполнительные, несмотря на юный возраст, и неожиданно молчаливые, что уж точно никак не вязалось с их бойким нравом, были готовы исполнить любой приказ.

– Спускайтесь туда, мои маленькие друзья, – тихо проговорила Тильда. – должен же кто-то пойти на разведку.

– Снова – на смерть? – хихикнул язвительный Франц, а чуть более рассудительный Крис отозвался:

– Или куда похуже, – но немедленно поправился. – Но мы не возражаем. Слава королю!

И, припрыгивая, след в след, Франц и Крис поскакали к подножью холма. Гордон и Тильда молча следили за тем, как они мелькают между древних камней – напряжение, казалось, повисло в воздухе, и легкие, быстрые скачки Франца и Криса, больше всего похожие на некую понятную только им игру, выглядели довольно парадоксально на фоне трагической серьезности наблюдателей.

– Все, хватит! – вдруг резко воскликнула Тильда, и Близнецы резко остановились. – Выходите оттуда. Я поняла. Я все поняла. Вельветин, – она повернулась к Гордону и тот, услышав свое орденское прозвище понял, что госпожа довольна работой, – я думаю, пришла пора написать нашему другу-литератору о произошедшем. Здесь мы в Ядро не войдем. Но у меня есть надежда на Корсиканца и Малый Плод.

Интродукция 2

Из записок доктора Реджинальда Клэна, специалиста по европейской истории, профессора Института Мировой Истории, Чикаго, руководителя Второго Отдела Управления.

Из писателей-современников активную переписку Гофман вел с Джорджем Гордоном Байроном (1788 – 1824). Неугомонный путешественник и любитель приключений и острых ощущений, Байрон во время своего «Гранд-тура» 1809 года высылал Гофману разнообразные книги (в основном, по истории и музыке) для личной библиотеки писателя. Питая слабость к старинным картам (в доме Гофмана было найдено около 40 подлинников и списков с карт), Гофман просил Байрона делиться с ним своими путевыми заметками (кое-что из этих заметок потом отразилось в знаменитом «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрона и в «Житейских воззрениях кота Мурра» Гофмана), что Байрон и делал. Во фрагменте данного письма, хранящемся в архиве Стратсфордским литературным обществом, мы можем прочесть воспоминания Байрона о греческом путешествии.

Письмо Байрона:

At Knossos the remains of the Labyrinth sre showed to travellers, it is said that Minotaurus lived there. An interesting pattern of lines – I've copied. It looks like all the Labyrinth patterns, reminiscent of the Traces to the Core7 I look upon that cultural similarities: same patterns are also in Santa Maria di Trastevere in Rome, on the mosaic floor. I guess to go there in the distant future - and I will write you immediately.

What is particularly amusing: our little friends were happily frolicking between the ancient walls of the Labyrinth, and that extremely amused me.

My best wishes and hope to see you soon!

Your friend Gordon³

---

3. На Кноссе путешественникам показывают останки Лабиринта, в котором, якобы, жил Минотавр. Очень занятный рисунок линий, который я скопировал. Похоже, узоры Лабиринта, напоминающие следы Ходов к Ядру, идентичны в разных культурах. Подобные рисунки есть и в церкви Санта Мария ди Трастевере в Риме, на мозаичном полу. Я предполагаю побывать там в ближайшем будущем – и немедленно напишу. Что особенно забавно: наши маленькие друзья с радостью резвились между старинных стен Лабиринта, что чрезвычайно меня развеселило. Примите мои пожелания благополучия и до скорой встречи! Ваш друг Гордон – *пер с англ.*

6. Портоферрайо, остров Эльба, 20 февраля 1815 г.

– Анри! Где же вас носит? Анри! – голос императора, хриплый от только что завершившийся простуды, прорывался из темноты спальни, и Бертран уже спешил, на ходу запахивая халат.

Император не ложился: он сидел около низкого бюро в просторном кресле, почти утопая в его глубине – волосы всклокочены, взгляд острый и сосредоточенный, как тогда, во время российского похода, когда снежным утром он призвал Бертрана и сказал ему всего одну фразу: «Я дарю вам мой четвертый корпус».

Бертран склонился в поклоне, а император приподнялся из кресла, и его лицо озарила улыбка, которую на лице императора адъютант не видел уже много недель.

– Анри, оно случилось! Орден мне помог! – прошептал император, схватив Бертрана за плечо и сильным движением приблизив его лицо к своему. – Я знал, что эти меня никогда не предадут, слышите, Анри? Они обещали помочь – и единственные, кто не предали меня!

Император резко вскочил и быстрыми шагами прошелся по комнате.

– Все, все продали меня! Продали и предали, предпочтя право сильного – чести! Кем я был для них? Отцом! Больше, чем отцом! Я был их властелином! И чем же все завершилось? Кто остался рядом? Самые верные, те, кто знает, каких высот мы еще можем достичь. Великая армия пала в русских снегах, но дух ее по-прежнему жив, Бертран! И я знаю, где и чем мы можем подпитать этот

дух. Клянусь честью, Анри, ровно через месяц, если не раньше, мы будем обедать в Париже, и я возьму его без единого выстрела!

– Не смею сомневаться в вашем стратегическом и тактическом гении, мой император, – осторожно пробормотал Бертран, – но позволю поинтересоваться, откуда у Вашего величества такая уверенность?

– Вот! – воздел палец вверх император. – Все здесь! В этом письме, что мне доставили минувшим вечером. Вы узнаете почерк?

Бертран повертел в руках небольшой листок бумаги:

«Mon empereur, les chemins mènent de la coquille à l'âme, alors que nous parlons, – et nous pouvons monter au Cœur de l'Île de la Cité. Comme à Moscou – la principale chose à être au cœur de l'île, et de rester jusqu'à la fin. Theramore à Paris, peut être – nos agents indiqués sur la carte tous les tenants et les catacombes qu'ils sont rappelés empereur, parfaitement conscient. Nous croyons à la victoire de l'empereur – et sans doute dans le succès. En unissant nos forces, nous allons venir à la Lumière.

Votre volonté – passer par l'une des routes, et vous soutiendra. La principale chose – passer toutes les informations nécessaires avec le même Serviteur et de la même manière que la lettre a été livré. Dites-nous où vous devez attendre⁴».

---

4. Как говорим мы, мой император, пути ведут от скорлупы к сердцевине – и мы можем взойти на ядро острова Сите. Как и в Москве – главное быть в Ядре, на острове, и держаться до конца. Закрепиться в Париже можно – наши агенты отметили на карте все входы и катакомбы, которые они, как помнит император, великолепно знают. Мы верим в победу императора – и не сомневаемся в успехе. Объединив усилия, мы придем к свету. Ваша воля – пройти любым из путей, и вас поддержат. Главное – передайте все необходимые сведения с тем же слугой и тем же путем, как это письмо было доставлено вам. Сообщите, где вас ждать. – *пер.с фр.*

– Я не понимаю, о каком Ядре он пишет? – Бертран поднял взгляд на императора. – Вы понимаете?

– Конечно, друг мой, – вся ажитация немедленно покинула императора, он выпрямился, движения снова стали величественны и размерены. – Именно в Ядре-то и состоит вся суть того предприятия, на которое мы с вами идем. Я должен был понять это гораздо раньше, еще в Москве, там, на острове. Давайте, я вам кое-что покажу.

Император отошел к столу, сам зажег свечи на двух подсвечниках и развернул две карты, положив их рядом друг с другом.

– Анри, подойдите, – император сделал приглашающий жест. – Вот, взгляните – и вы сразу поймете, что я имею в виду. Смотрите – перед вами два великих города, где решилась – или еще решится и моя судьба, и судьба всей Европы, да что там – и всего мира.

Бертран взгляделся в разложенные карты: на одной из них был изображен довольно подробный план Парижа, на другой – Москва, это была карта, вывезенная императором из древней русской столицы, один из немногих трофеев, которые Его величество неизменно возил с собой.

– Вот тут, – перст императора указал на небольшой остров на излучине реки Москвы, – и помещалась моя резиденция, если вы не забыли, Бертран.

– Как я могу забыть, – кивнул адъютант. – Хотел бы – да не забуду вовеки.

– Не стоит, Анри, забывать поражения. Они закаляют дух и воспитывают волю, – покачал головой император. – Порой отчаянной поражение куда ценнее шальной и легкой победы. А теперь взгляните на другую карту. Вы же видите остров?

– Конечно, мой император. Это Сите.

– Именно, Анри! Именно Сите! – с радостью в голосе воскликнул император. – Еще один остров, куда ведут – взгляните на эти тонкие красные линии! – многочисленные подземные ходы древних парижских катакомб, и Орден знает в них каждый поворот, каждый дюйм, расположение каждого кирпича в этих древних стенах! Именно по этим катакомбам и пройдут мои верные солдаты, чтобы, словно ночные призраки, возникнуть в самом центре Парижа и занять его – теперь уже навсегда. Мы возвращаемся во Францию, мой милый Бертран, чтобы забрать то, что по праву принадлежит нам. И Орден – слышите, именно Орден! – нам в этом поможет.

Император замолчал и вперил в Бертрана пристальный взгляд, полный яростного томления. Бертран помнил этот взгляд – император всегда так смотрел перед битвой, словно ждал, когда раздастся первый залп, и солдаты с ликующими криками бросятся вперед, на неприятеля.

– И когда же состоится сей... поход? – осторожно спросил Бертран.

– В считанные дни, мой дорогой друг, – улыбнулся император. – Корабли уже ставят паруса, мы скоро отплываем, а дальше нас ждут верные подданные, которые уж и не чают увидеть своего императора. Франция верна нам, Бертран, что бы ни думали глупые заговорщики. Франция жаждет величия, а наши верные слуги всегда придут на помощь. Вы обратили внимание на почерк, Бертран? Сколько раз придворные наушники говорили мне о том, чтобы я не верил Гофману, а в нужный момент именно он прислал мне этот план – единственно верный, единственно спасительный!

– Но план еще не реализован, мой император, – вздохнул Бертран.

– Может быть, вы и правы, Анри, – весело хохотнул император, – но я припомню вам эти слова на том самом обеде в центре Парижа, о котором я уже говорил, и который забрезжил не просто спасительным лучом – а который стал фактически данностью. Спасение Франции не просто близко. Считайте, оно уже свершилось! Мы снова вершим историю, мой дорогой друг – я слышу топот конских копыт, я слышу крики «Ура!», и я вижу, как наше знамя трепещет в чистом небе моей Франции, нашей Франции! Нас ждет Париж, Анри! Нас ждет мой народ!

Император вдруг замолчал и быстрым шагом подошел к окну. Распахнул ставни – его лицо осветил первый тонкий рассветный луч.

– Ночь на исходе, Анри, – просто сказал император. – Чувствуете аромат прибоя? Слышите шум волн? Скоро, очень скоро море понесет нас туда, где ждут те, кто нам поможет. Орден никогда не предаст. Орден – это и есть то ядро, та сердцевина, которая скрепляет все и сводит единство – к целостности. Орех без ядра – ничто, и ядро Ордена – главный гарант крепости нашего плана.

И после этих слов он замолчал и застыл перед открытым окном, словно превращаясь в памятник самому себе.

Бертран задул свечи и осторожным шагом вышел из спальни.

Император даже не обернулся вослед.

7. Кенигсберг, 1816 год

Он никогда не терял чувства времени и пространства: окажись в любом городе – не заблудится. То ли все дело в его любви к древним картам и городским планам – но каждый раз новый город вставал у него в голове сеткой линий, паутиной улиц, запоминался раз и навсегда. За это его и ценили в Ордене – за невероятную картографическую память.

Ну и – он очень хотел в это верить! – за недюжинный художественный талант.

Он вспомнил, как Кёниг первый раз призвал его: в кажущейся тесноте древнего Тронного зала, где много веков Орден собирал своих последователей, он медленно шел вдоль выстроившихся у стен Магистров и Неофитов, в абсолютном молчании. Кёниг на Черном троне застыл старинной статуей, лишь глаза выдавали его – Кёниг смотрел внимательно, лукаво и выжидающе.

– Мы следили за тобой все эти годы, – сколько раз потом он слышал голос Кёнига, но никогда не мог вспомнить, каким был этот голос – низким ли или высоким, громким или тихим? Это был голос властителя всего мира, того, кто управлял всем, что происходит на земле, при этом даже не показываясь на свет – отсюда, из подземелий тронного зала Кёниг вершил судьбы, обращал в бегство войска и заставлял целые народы поклоняться... нет, не себе, но своим многочисленным эмиссарам, одним из которых стал он, Гофман.

– Мы следили за тобой все эти годы, – сказал Кёниг с властной нежностью, – и мы рады тому, что ты сегодня и вовек с нами. Вступив в Орден – ты навсегда меняешь и свою жизнь, и жизнь Ордена. Орден – куда больше, чем

единица, Орден – есть общность, Орден – суть многоликий, многоглавый великан, что прячется в темноте, многими не заметен, но способен перевернуть круговорот всего этого мира. Скажи, что ты знаешь об Ордене?

– Я могу произнести клятву, все в соответствии с Уставом, – хрипло пробормотал Гофман.

– Устав знают все, этим ты нас не удивишь, – тихо ответил Кёниг. – Но нам куда более интересно не то, что ты выучил об Ордене, как то, что ты о нем знаешь. Понимаешь меня?

– Понимаю, – кивнул Гофман, – понимаю, но боюсь серьезно огорчить вашу милость – я не знаю о Ордене ничего.

– Прекрасно! – хлопнул в ладоши Кёниг. – Эй, взгляните на него, какая смелость и какая честность! Мог бы увильнуть – все же поэт, сочинитель, придумал бы очередную историю, и все тут. Но нет – он предпочел не лукавить, а сказать, как есть. «Я не знаю» – клянусь честью, это те самые слова, что только может изречь живое, мыслящее существо! Моя мать, великая Тильда Первая, была бы довольна тобой, Гофман. Очень довольна.

– Склоняюсь в почтении, – сказал Гофман и поклонился еще ниже.

– Довольно, – фыркнул Кёниг. – Отставим этикет, мы здесь говорим как равные братья по Ордену, а не как повелитель и слуга. Ты не знаешь, и, доложу я тебе, я знаю ничуть не больше твоего. Но знания добываются трудом, знания выковываются в испытаниях, знания собираются по крупицам, столетиями, и порой уходят в прах несколько поколений пытливых умов, пока из этих крупиц прорастет подобие нового учения... Я хочу, Гофман, чтобы вы

подготовили почву для этих знаний – ту почву, в которую потом будут брошены верные семена, взрастив кое-какие, мы – или же наши потомки, что, признаюсь, куда вероятней! – сможем когда-то собрать удивительный и донельзя питательный урожай.

– Что я должен сделать? – спросил Гофман.

– Вы должны создать книгу, – спокойно сказал Кёниг. – Новую книгу. Очень простую. Желательно сказку – такую, как вы умеете. Сказку о тайном подлунном мире и его жестоком и страшном повелителе, который, хоть и будет сокрушен каким-нибудь смелым героем, все равно не раскроет главного секрета. И вот тогда мы посеем наше первое зерно – зерно любопытства. Из любопытства взойдет пытливость, из пытливости – страсть, из страсти – знание, из знания – теория, из теории – практика, из практики – действие, из действия – бытие, – Кёниг тяжело вздохнул. – Я не знаю, когда это случится, но рано или поздно – случится, конечно же. Но дело за вами, Гофман. Ваш первый ход.

И вот теперь, спустя годы после этого первого разговора, который Гофман будет помнить всю жизнь, книга лежала перед ним, законченная и готовая явиться в мир.

Книга, о которой просил Кёниг.

Новая книга.

Может быть, главная книга его жизни.

Гофман посмотрел на стопку исписанных листов, протянул руку и осторожно ее погладил.

– Вот и все, – прошептал он. – Как обычно: поставив последнюю точку, чувствуешь опустошение. Хочется, конечно, продолжить, придумать что-то еще – но нет, все закончено, и никакого продолжения не будет, не должно быть.

– Это верно, – послышался тихий голос из темноты, и маленькая тонкая фигурка отделилась от стены и шагнула в узкую полоску света. – Кёниг доволен вами, Гофман. Вы сдержали обещание.

– Министр Циннобер? – улыбнулся Гофман. – В столь поздний час...

– Ах, оставьте, – махнул рукой маленький человечек, – вы же знаете, Гофман, что для меня не имеет ни малейшего значения, что там на дворе – день ли, ночь, или вообще – солнечное затмение. Для меня имеют значения лишь факты, только и исключительно факты, и ничего более. А факт сейчас один – вы завершили книгу, и Кёниг выражает вам свою ни с чем не соизмеримую благодарность. Все дети Гаммельна будут обязаны вам за эту сказку.

– Всего лишь сказку..., – вздохнул Гофман, но Циннобер чуть не взвился:

– Сказку? – воскликнул он. – Всего лишь?! Да о чем вы говорите, Гофман! Нет ничего сильнее сказки, ни один плутовской роман, ни одна самая страшная и захватывающая трагедия не сравнятся с хорошей сказкой! Сказка входит в нас с детства, завладевает нашими умами и влечет нас в просторы фантазии, из которых потом вырастает вся наша жизнь. Вы же помните, что говорил Кёниг о взаимосвязи явлений и о подготовке почвы? Вот вам и ответ! Вы нашли форму, единственно верную форму – и породили единственно возможный текст. Вы стали героем Ордена, Гофман. Вы стали его главным певцом. Невероятное чудо, что вы дали возможность этому тексту появиться на свет. Теперь – отпустите его, Гофман. Он уже не ваш. Он даже не Ордена. Он теперь принадлежит вечности.

И после этих слов министр Циннобер опустил на маленькую скамеечку возле камина, обратился к огню, напо-

миная крохотную деревянную статуэтку. Его резкие черты лица еще больше заострились в свете каминного огня.

– Время течет, дерево горит, дым тянется вверх, – проворкотал Циннобер. – Вот огонь, он, с одной стороны, согревает, а с другой – уничтожает без возврата. Сколько книг за всю историю человечества пожрало беспощадное пламя? Без счета. Сколько душ исчезло в сиянии и жаре мировых пожаров? Без счета. А мы все сидим здесь и смотрим на огонь. И пока огонь горит – мы живы. Впрочем, этот огонь не погаснет уже никогда. Не мы его зажгли, и не нам дано его затушить... У вас есть вино?

– Да, отменное рейнское.

– Налейте бокальчик, – улыбнулся Циннобер, и с улыбкой его отталкивающая внешность преобразилась: Гофман впервые заметил, какие у Циннобера умные и проницательные глаза. – Иногда вино не отравляет душу и не печалит, а веселит. Вам-то этого не знать – припоминаю, как вы когда-то кутили со стариной Месмером! Отменный был собутыльник, мне его будет очень не хватать.

– Мне тоже, – тихо сказал Гофман.

– Впрочем, отставить печаль! – Циннобер звонко хлопнул себя по колену и приподнялся. – Давайте-ка сюда эту вашу рукопись! Пройдемся по ней редакторским пером, ну да так, самую малость...

8. Управление. Май 2016 г.

Майкл Уэбб был чрезвычайно раздосадован. Все то, что он поручил Клэну, своему лучшему и умнейшему агенту, катилось под откос: до даты Запуска оставались считанные дни, а на руках у него не было ничего, ни отчета, ни каких-либо внятных выводов – при каждом звонке Клэн обещал вот-вот предоставить документы, но ничего так и не предоставлял. И в этот раз, в очередной раз дозвонившись Реджинальду и услышав его вежливое: «Слушаю», Уэбб заревел в трубку:

– Нет, Клэн, это я вас слушаю! А хотел бы видеть! Потому что вас носит черт знает где, когда вы давно должны были...

– Должен, – сухо сказал Клэн. – Но спешу вас обрадовать: я сделал то, о чем вы меня просили. Цепочка восстановлена. Все вопросы наконец-то получили ответы.

Уэбб чуть не задохнулся от смеси ярости и восторга.

– То есть вы хотите сказать, что...

– Да, именно это я и хочу вам сказать, – послышался в трубке легкий смешок Клэна. – Вы меня выслушаете сейчас или мне все же приехать?

– Приезжайте – и привозите все, что у вас есть. Все до малейшей бумажки, до каждого черновика! – Уэбб дал отбой и вздохнул. С одной стороны, где-то в глубине души он понимал, что Клэн не подведет, а с другой – никакой уверенности в том, что Клэн действительно не подведет, у него не было.

Даже сейчас.

До того момента, как Клэн войдет к нему в кабинет и принесет все то, что он собрал за последние две недели.

Этот момент случился через час: высокая фигура Ред-

жинальда Клэна, доктора Реджинальда Клэна, агента Управления, лучшего, черт побери, агента Управления возникла в дверях кабинета с папкой в руках. Уэбб оценил: папка была достаточно объемной – и вот это его успокоило уже окончательно.

– Рассказывайте, – без лишних обиняков и приветствий сказал Уэбб, делая быстрый приглашающий жест. Так же быстро Клэн подошел к столу и уселся напротив Уэбба.

– Начнем с имени, – сказал Клэн, выкладывая перед Уэббом первый лист из папки. – Вот тут гравюра из одной дрезденской книги, единственного источника, где в легенде о Гаммельнском крысолове названо имя этого самого крысолова. Вот тут, под гравюрой, смотрите.

Уэбб посмотрел: на гравюре был изображен человек в шутовском колпаке и цветных одеждах, прыгавший, играя на дудочке, на булыжной мостовой – а рядом с человеком виднелась череда маленьких черных фигурок – это были мыши и крысы, которых дудочник уводил из города. Город был тут же – маленький, с башенками, в правом верхнем углу гравюры.

– Как читать старинные гравюры, вы помните? Я когда-то объяснял, – сообщил Клэн.

– Повторите, мне не до воспоминаний, – проскрипел сквозь зубы Уэбб.

– Охотно, – кивнул Клэн, – тем более, что нам достаточно самой простой и примитивной схемы. У любой гравюры, созданной до XVIII века есть две основные линии чтения – так называемая «линия девы», линия, на которой сосредоточен основной смысл картины. Она начинается из левого нижнего угла и переходит в правый верхний угол. Что у нас тут?

– В левом углу – крысы, в правом – замок, – сказал Уэбб.

– В целом, верно, только не замок, а город. Перед нами тот самый Гаммельн, откуда наш герой увел сперва всех крыс и мышей, а потом и детей. Все именно так и было – началось с крыс, но продолжилось городом. Фактически Крысолов уничтожил Гаммельн – все дети сгинули, соответственно, и размножаться в городе стало некому. Гаммельн, конечно, не вымер, но одно поколение потерял фактически начисто. Знаете, как прозвали этот город? «Гаммельн – город старых отцов». Образно, не так ли?

Клэн передохнул, победно посмотрел на Уэбба и продолжил:

– А теперь переходим ко второй линии – ее называют «линией старухи», и она куда более интересна, чем линия девы. В ней, как полагают, заключен истинный, тайный смысл картины. Она начинается, наоборот, с правого нижнего угла – и проистекает в левый верхний угол. Видите?

– Там что-то написано, – сощурился Уэбб.

– Да, совершенно верно, я разобрал этот текст: «Ду-дочник, именуемый Фолиалем, избавил Гаммельн от бед и радостей». Вот надпись правого угла, а вот – надпись левого: инициалы – М и Н. Нет никаких ассоциаций?

Уэбб молча покачал головой.

– Подсказка чуть ниже, мелким текстом, я заметил ее при увеличении, – Клэн вынул из папки распечатку. – Вот, смотрите, тут все видно – «13 centurio». Знаете, что это? Тринадцатая центурия – потерянная книга предсказаний... да, все верно, Мишеля Ностраламуса.

– Только не говорите мне, Клэн, что вы и сюда привлекли ваших любимых французских оккультистов! – хохотнул Уэбб, но Клэн ответил строго и серьезно:

– Не приплед, а проанализировал. От тринадцатой книги Нострадамуса, или Мишеля де Нострадама, до нас дошел полностью лишь один текст, вот этот, – и он протянул Уэббу следующий лист. – Вы ведь понимаете по-французски?

– Немного, – кивнул тот, читая стихотворение. Оно и вправду было коротким и, как водится, совершенно не понятным:

«Le Noix, il a un noyau,
Mais il restera intact un écrou,
Et les gens du Centre signeront
Et dans la vallée froide comprendront,
Et deux cents ans plus tard assage,
L'Etoile allume Le Passage⁵»

– И вы разобрали что-нибудь в этой чертовщине? – переспросил Уэбб.

– Не просто разобрал. Я все понял. Тайна Фолиаля, тайна Гаммельна – и та тайна, которую так и не разгадала наша подруга Вера Кьют – она тут, в этой маленькой гравюре. Смотрите, где пересекаются линии девы и старухи.

– Тут что-то нарисовано, дерево, а на нем...

Клэн жестом фокусника извлек из папки следующий лист – и молча протянул его Уэббу. Тот долго разглядывал увеличенный рисунок, прежде чем тихо пробормотал:

– Орех...

---

5. Мир, как Орех, в нем есть Ядро,
Но он останется Орехом, пока цел,
И человек из Центра даст знак,
А в Холодной Долине его поймут
И спустя двести лет, когда будет гореть Звезда,
Откроется Путь. – *фр.*

- Совершенно верно, орех, – кивнул Клэн.
- И что же дальше? – Уэбб приподнял бровь.
- Дальше – я вылетаю за последней частью головоломки. Прямоком в Холодную Долину.
- И куда точнее? В Норвегию? В Гренландию? На Аляску?
- Отнюдь, – покачал головой Клэн. – В Россию.

9. Вена, 24 мая 1821 года

– Граф Клеменс фон Меттерних, посланник! – провозгласил мажордом и распахнул дверь. – Прошу вас!

Клеменс слегка наклонил голову и широким шагом вошел в Приемный зал. Они уже были здесь, все было готово – так, как и должно было быть: по центру стоял огромный черный трон, по центру которого восседал Кёниг, а на двух тронах пониже, золотом и серебряном, устроились, соответственно, прекрасная дама в нежно-розовом платье и худошавый высокий человек, затянутый в черный, плотно застегнутый сюртук. Клеменса поразили их волосы – на голове дамы возвышалась замысловатая высокая конструкция из ее светлых, казавшихся серебряными, локонов, а голову мужчины венчала копна ярких огненно-рыжих волос. И если дама была невероятно прекрасна, то в лице господина в черном было нечто – нет, не отталкивающее, но бесспорно гипнотизирующее: он смотрел прямо на Меттерниха огромными ярко-голубыми глазами, которые, казалось, глядят на самое дно души и проникают во все уголки естества.

– Рад приветствовать Магистрат Ордена! – воскликнул Меттерних и склонился в поклоне, но Кёниг остановил его плавным жестом.

– Не стоит, мой друг, не стоит. Магистрат сегодня не в полном составе, – с этими словами он указал на низенькую скамеечку у подножия своего трона. – Министр Циннобер не может почтить нас своим присутствием, некоторые обстоятельства требуют его... м-м-м, отлучки. Мы надеемся, что со своими обязанностями он справится максимально быстро – и к концу недели мы уже сможем все вместе обсудить сложившуюся ситуацию.

– Что Гофман? – проскрипел мужчина в черном со своего трона. – Какие новости?

– Самые наилучшие! – воскликнул Клеменс. – Все сработало, и очередная Инициация прошла успешно.

– Все собрались? – уточнил человек в черном, но ему в ответ прозвучал ласковый голос женщины:

– Дорогой Альпанус, ну, конечно же, все! Если бы мы не собрали Кворум – о какой Инициации могла бы идти речь!

– Не скажите, милая Розабельверде, – покачал головой человек в черном, – вы, наверное, забыли, историю Анны Клевской. Малолетняя дурочка должна была прибыть в Англию, провести Инициацию – а она, видите ли, собрала лишь часть Конклава прямиком на корабле! Ни о каком Кворуме речь и не шла, четверо адептов, причем даже не высшего ранга – но процесс начался, запрос в Ядро ушел, и... В общем, тогда нам с Циннобером пришлось попотеть.

– Да! – рассмеялась Розабельверде. – Конечно, я помню этот комический случай: министр Циннобер нанимает фелуку, чтобы догнать Анну, а вы мчитесь к королю Генриху, чтобы уговорить его отменить свадьбу.

– Старый пошляк упирался ослом, – покачал головой человек в черном. – Ничто не могло его переубедить, пришлось идти на очередную хитрость. Пообещал ему еще двух жен, он и успокоился. Как иногда мало надо мужчине! А Генрих считал себя настоящим племенным бычком! – и тут тот, кого называли Альпанусом, хрипло расхохотался, вторя своим карканьем серебряному смешку Розабельверде.

– Ну, друзья мои, достаточно, оставим занятные воспоминания, – с трудом сдерживая улыбку, молвил Кёниг. – Нас интересует прохождение Конклава, ну и какое Главное Правило вы приняли на нем?

– Мой ответ будет краток, ваше превосходительство, – тихо сказал Клеменс. – Я произнесу одно слово – и вы все поймете. Это слово – ратификация.

В воздухе повисла долгая пауза, которую прервал голос Розабельверде:

– Неужели – получилось?

– Не просто получилось, дорогая Розабельверде, а установилось. Отныне и впредь – Ратификация принята во всем мире, и без нее невозможно продвигаться. Дети Гаммельна сделали все так, как вы им повелели. И благодарить за это следует нашего общего друга.

– Гофман? У него получилось, я так и знал! – воскликнул Альпанус, и его лицо, казавшееся бесстрастным, вдруг просияло. – Потрясающий человек! Великий человек! Но скажите, Меттерних, почему вы не взяли его с собой? Почему он не предстал перед нами, чтобы мы лично, от лица Магистрата Ордена, выразили ему свою благодарность и восхищение?

– Он теряет старого друга, и вы знаете, какого, – с сожалением в голосе проговорил Клеменс. – Именно поэтому он не смог предстать пред вашим ликом.

– Я и не ожидал, что Гофман так привяжется к этому животному, – сухо произнес Кёниг. – Это же была ваша идея, Альпанус?

– Совершенно верно, – кивнул тот. – Дополнительная маскировка – чтобы никто не подумал, что Гофман может быть хоть как-то связан с Детьми Гаммельна, ему было предложено завести кота. Уж кто-кто, а кот, естественный враг Ордена, никак не мог сочетаться с тем делом, которым занимался Гофман. Увы, наш друг привязался к этому животному, и даже сделал его героем своей книги. Как он назвал кота?

– Мурром, ваша милость, – сказал Меттерних, – но кот вот-вот отправится в свой кошачий рай: век этих животных короток. Гофман, увы, действительно привязан к этому существу и не хочет оставлять его одного перед лицом смерти.

– Удивительное дело! – воскликнул Кёниг. – Как такие колоссальные противоречия сочетаются в нашем гении! Я уже во время истории с Корсиканцем понял, какие бесшешенные хитрости могут таиться в его мозгу, но столь удивительные контрадикции – это нечто невиданное.

– Все дело в его сердце, – тихо сказала Розабельверде, – в большом, добром и наивном сердце. Вы видите в Гофмане лишь агента – замечу, чрезвычайно успешного и исполнительного, чья сообразительность нередко спасала всех нас, а он – тоже человек, со своими страстями и привязанностями.

– Что ж, если кот умрет – вернее, когда кот умрет, – поправился Кёниг, – передайте Гофману мое соболезнование и выделите дополнительные деньги из казны Ордена. Но за проделанную работу нужна и другая награда. Скажите, готов ли он к Переходу?

– Полагаю, что да, ваше превосходительство, – секунду подумав, сказал Меттерних. – Как только разрешится кошачья судьба – вопросов о Переходе не возникнет.

– Да будет так, – кивнул Кёниг и снова обратился к Меттерниху. – Могу я увидеть донесение Гофмана?

– Конечно, вот оно, – Клеменс протянул Кёнигу депешу, тот немедленно ее развернул, пробежал глазами и усмехнулся:

– Вы выбрали итальянский для переписки? Почему?

– Здесь не стоит дата, а могут решить, что корреспонденция датирована мартом или апрелем – подумают на

Корсиканца, которого, как вы понимаете, уже не спросить – он покоится в могиле. А свою последнюю переписку с агентурой он тоже вел на итальянском.

– Великолепно, просто великолепно! – расхохотался Кёниг. – Не устаю удивляться предусмотрительности вашего – нет, конечно же, нашего Гофмана! Альпанус, вы обзавелись великолепным слугой.

– Он не слуга, – покачал головой человек в черном, – он писатель. Поверьте, ваша милость, иногда нужда в хорошем писателе много превосходит необходимость наличия хорошего слуги...

Интродукция 3

Из записок доктора Реджинальда Клэна, специалиста по европейской истории, профессора Института Мировой Истории, Чикаго, руководителя Второго Отдела Управления.

Один из последних адресатов Гофмана – знаменитый австрийский дипломат Клеменс фон Меттерних. Судя по немногим сохранившимся письмам (данное письмо 1821 года предоставлено в нашу экспозицию из архива Дрезденского музея), Гофман продолжал быть активным участником европейских политических событий. Возможно, энциклопедический ум Гофмана был весьма кстати в условиях придворных интриг начала XIX века. Переписка с Меттернихом велась в иноязычном ключе, на итальянском языке – судя по всему, многим политикам придавались соответствующие клички, но кто скрывается за этими прозвищами, историкам лишь предстоит разгадать. Данное письмо, скорее всего, посвящено коронации Георга IV (Гофман приложил схематический рисунок размещения аристократов на коронации), английского короля, о котором в высшем обществе ходили разнообразие исторические анекдоты (например, о том, что король имел огромные долги и даже взял корону для коронации напрокат у ювелира), так что выбор языка переписки явно был выбран для того, чтобы некоторым образом сохранить переписку втайне.

Письмо Меттерниху:

Voglio annunciare che l'inizio è stato compiuto. Erano tutti – Nero Duca e Velvetin, e anche Redvenire, indipendentemente dall'età. Rex preoccupato, ma continuava a come ci aspettavamo – era silenzioso e solenne. Scherzo

con Corsi ha giocato un ruolo, e abbiamo a lungo preso in giro ottenere i risultati – anche se la sconfitta non dovrebbe prendere in giro. Ma il futuro ci sembra gioiosa – abbiamo mantenuto l'integrità del mondo e continueremo a tenerlo.

Dopo l'iniziazione и rimasto con Cappuccio Nero e discusso il processo di transizione – fino a quando siamo in grado di controllare il processo di iniziazione, non minaccia la pace del Nucleo.

Amadeus⁶

---

6. Хочу сообщить, что Инициация свершилась. Были все – и Черный Герцог, и Вельветин, даже Красноглазый пришел, несмотря на возраст. Рекс волновался, но держался так, как мы и предполагали – был молчалив и торжествен. Шутка с Корсиканцем сыграла свою роль, и мы долго смеялись над получившимся итогом – хотя поверженных не следует осмеивать. Но грядущее видится нам радостным – мы сохранили мир в целостности и впредь будем удерживать его. После Инициации задержались с Черным Капошоном и обсуждали процесс перехода – пока мы можем контролировать процесс Инициации, ничто не угрожает спокойствию Ядра. Прилагаю Инициационную схему, которая сработала.

Амадей – *ит.*

10. Москва, ноябрь 2016

Его окружали клетки, клеточки, вольеры, аквариумы, переноски – все это жило, кишело, перетекало друг в друга тысячами глазок-бусинок, лап, хвостов, в глазах рябило от шкурок самых разных цветов, а уши аж закладывало от восторженного визга и писка: «Мама, папа, смотрите, какая!».

Он знал, где искать – если хочешь спрятать лист, то это надо сделать в лесу, как гласила древняя истина, а если у тебя «мышиный проект» (а иначе никто в Управлении не именовал задачу, с которой он столкнулся – то немедленно иди в средоточение грызунов всех возможных мастей. Он потому и торопился в Москву: рекламу ратологической выставки (да-да, он узнал и такую терминологию!) показывали и в Штатах, и в самолете рядом с ним летела женщина, которая всю дорогу рассказывала о своей морской свинке необычайной пушистости, которая и летела вместе с хозяйкой на вышеупомянутую выставку. Свинка была предьявлена Клэну, но оценить степень пушистости он не смог – но покивал согласно, а заодно выяснил все подробности о выставке: владелица свинки летала на нее четвертый год подряд.

И вот теперь он двигался в самом сердце этого мышинного царства (его окружали знакомые слова «вельветин», «капюшон» – и каждый раз, когда он их слышал, что-то немедленно откликалось в его сердце) – что именно он искал, он пока не понимал, но твердо знал – поймет. Увидит и поймет.

И он – понял.

Этот человек сидел перед большой клеткой, в которой разлеглась невероятных размеров крыса – конечно, памя-

туя тех монстров, что продемонстрировала ему Вера, он не удивился. Но этот зверь был хоть и большим, но чрезвычайно холеным. И еще – он был старым, это Клэн сразу понял. Старым – не таким как Паффни, чья старость была неестественна, искусственна – тут же перед ним был настоящий мышиный патриарх, который, судя по всему, прекрасно себя чувствовал и умирать явно не торопился. Да он и вообще никуда не торопился.

– Интересуетесь? – хозяин поднял взгляд на Клэна. – Это хорошо. Многие видят в них, в крысах да мышах, просто хвостатых паразитов. Грызунов. Никчемных тварей. А между тем – для нас это весьма и весьма надежные друзья, успевшие спасти не один миллион жизней.

– Спасибо, – по-русски сказал Клэн, – да, я интересуюсь. И мне почему-то кажется, что вы можете мне помочь.

– Чем же? – спросил хозяин. – Я вижу, вы – гость издалека. Если вы не против, то можете говорить со мной на европейских языках. Я понимаю по-английски, по-французски, по-немецки, по-итальянски, даже немного знаю греческий... Что предпочитаете?

Клэн наклонился ближе к морщинистому лицу хозяина и произнес только одно:

– Mausekönig⁷.

– А, вот вы о чем! – просиял хозяин. – Так бы и сказали! Наконец-то! Пойдемте скорее!

И с этими словами он ловко подхватил клетку (сидящая внутри крыса даже не шелохнулась) и засеменил куда-то в глубь павильона. Клэн поспешил за ним.

– Мышиный король, – бормотал хозяин на бегу, – одна из двух легенд, пришедших к нам еще из Средневековья.

---

7. Мышиный король – нем.

Говорят, что в глубоких мышиных норах, там, где они сплетают свои гнезда – вы знаете, что мыши фактически вьют гнезда, затаскивая в свои норки ткани, солому и прочий материал? – несколько мышат иногда срastaются хвостами, и в результате получается новое, многоголовое и многотелое существо, куда более сильное, хитрое и умное, которое подчиняет себе всех остальных мышей в этом маленьком сером социуме, и называют такое существо мышиным королем... То же говорят и о крысах – в этом случае на свет появляется крысиный король, а есть еще и крысиный волк – но этот зверь появляется исключительно на судах – на кораблях жили крысы, много, и никто не был против, крысы всегда сигнализировали о течи в трюме – раз бегут с корабля, значит, имеется пробоина. Но как сократить число грызунов? – и для этого была придумана следующая штука: ловили штук десять крыс и запирали в котел с крышкой, придавив крышку сверху каким-нибудь камнем. А через неделю котел открывали – в живых оставалась лишь одна крыса, уничтожившая всех других, так и появлялся крысиный волк, которого потом отпускали обратно в трюм, и он там мгновенно наводил порядок... Но не все легенды – это только легенды, за некоторыми легендами стоит правда...

– То есть вы хотите сказать, что Гофман был прав – и Mausekönig действительно существует? – Клэн спешил вслед и бросил вопрос в спину хозяина.

– Не просто существует! – хихикнул хозяин, открывая какую-то металлическую дверь и спускаясь вниз по лестнице. – Не просто... Проходите вот сюда, пригнитесь, вот так. Осторожнее... Ваше величество, тот, кто должен был прийти – уже здесь!

Клэн огляделся: перед ним была небольшая комната,

немногочисленные лампы тускло освещали голые стены – единственным предметом мебели в комнате был высокий черный трон, выкованный неведомыми кузнецами – его спинка напоминала множество крыс и мышей, переплетавшихся хвостами. Рядом с тронem стоял худощавый человек в длинном сером плаще, его возраст был неопределен, но это лицо, обрамленное седоватыми курчавыми волосами и длинный нос с горбинкой Клэн узнал бы из тысячи. И тот факт, что этот человек никак не мог оказаться здесь, в каком-то странном подвале русского выставочного центра, уже сам по себе должен был шокировать Клэна.

Но куда больше его шокировало то существо, которое сидело на троне.

Это была невероятных, гигантских размеров мышь, трехголовое чудовище высотой около трех футов. Мышь была обряжена в ярко-красный, судя по виду – шелковый камзол с гофрированным воротником, а на центральной голове из трех красовалась небольшая золотая корона. Длинный хвост, словно змея, спускался вниз, к подножию трона, и лениво подергивался. Мышь явно была стара – ее шерсть, когда-то, судя по всему серо-черная, теперь была седой, пепельно-серой. Мышь открыла розовую пасть центральной головы – и скрипуче произнесла:

– Наконец-то ты пришел, агент Клэн. Мы знали, что ты нас найдешь, но не думали, что справишься столь быстро.

Клэн вздрогнул – на плечо легла рука его провожатого, и только сейчас он понял, какие у того яркие небесно-голубые глаза.

– Мы благодарим тебя, Фолиаль, ты, как всегда, на высоте, – сказал Мышиный Король, а Клэн с еще большим удивлением воззрился на своего спутника.

– Вы – тот самый Фолиаль? – прошептал он.

– Не просто «тот самый», – вздохнул с улыбкой голубоглазый, – я – единственный в своем роде. Имею честь представиться: Фолиаль, он же – Проспер Альпанус, придворный маг и астролог нашего Кёнига, – и он в пол поклонился Мышиному Королю.

– Но как такое возможно? – пролепетал Клэн. – Вы же... Время... Сколько столетий...

– Для тех, кто прошел Инициацию – время не имеет никакого значения, мой дорогой агент Клэн, – сказал Мышиный Король, – и, собственно, об этом и говорится в произведениях нашего дорого друга Гофмана, нашего Ореховых дел мастера. И мы несказанно рады, что в бурном мире нового тысячелетия обрели единомышленника. Королева Тильда, моя мудрая мать, была бы несказанно рада этому обстоятельству, жаль, что она уже много лет пребывает в куда более спокойном из миров.

Король (или Кёниг, как будет угодно) быстрым движением спрыгнул с трона и махнул передней лапкой Фолиалю:

– Пойдемте, Альпанус, мы вернемся чуть позднее, после того, как господин Клэн будет готов. Думаю, наш друг Гофман сможет объяснить ему все куда лучше – а главное быстрее – нас.

С этими словами он двинулся в сторону левой от входа стены, Фолиаль легкой тенью метнулся следом, нажал на какой-то незаметный выступ – и в стене открылась небольшая потайная дверь, за которой во мгновение ока скрылись и Король, и его астролог. А Гофман уже усаживался на троне, легким движением закинул ногу на ногу и приветственно улыбнулся Клэну.

– Я предвижу все вопросы и сразу начну рассказывать. А если вдруг вам будет что-то не понятно – подождите до конца моего рассказа. Может, тогда и уйдут все вопросы... Он чуть-чуть прикрыл глаза – и начал.

Интродукция 4, заключительная. Рассказ Эрнста Теодора Амадея Гофмана о Детях Гаммельна

Как вы, конечно же, знаете, наш дражайший Проспер Альпанус, он же господин Фолиаль, приведя в движение потоки завлечения человеческих душ, вывел всех детей из города Гаммельна, а затем подверг их самому первому процессу Инициации. Не будем сосредотачиваться на том, как был устроен этот процесс, скажу только, что разработали его лично королева Тильда и сам Альпанус, и от того его эффективность возросла в разы.

И в результате, мой друг, мы получили... новых людей. Нет, не людей – больше, чем людей. Мы получили новую цивилизацию, кардинально другую, которая черпала силу и энергию прямоком из земного ядра.

Спросите – почему ядра? Нет, не спросите? Что ж, я рад, что какие-то вещи вам понятны – другое дело, что само земное строение: сверху твердь, а внутри – вся сила и энергия, метафорически была перенесена в магический эгрегор, в удивительный прото-артефакт – в Орех. Во Вселенский Единый Орех, о котором – как вы, видимо, поняли, раз читали мою переписку с дорогим сердцу Месмером – было понимание и у наших далеких предков.

Куда ушла Атлантида? Почему все ключевые города мира – вы же видели карты? – имеют ту же форму, что и лещина, самый простой орех? Именно об этой разгадке и догадались основатели нашего Ордена – и, догадавшись, обрели бессмертие. Увы, королева Тильда не захотела воспользоваться этим удивительным ходом в вечность – и отдала право на бессмертие нашему Кёнигу, своему сыну. Что ж, каждый выбирает по себе.

Но Дети Гаммельна стали превоходцами на этом пути – от силы Ядра прямиком к созданию нового общества. Мы – не просто люди, а существа нового порядка, нового образа и нового мышления – стали менять мир вокруг себя. И так была придумана Ратификация – вам же знакомо это слово? Вы не думали о его этимологии? Да, это именно от латинского *rattus* – без удостоверения кем-то из Детей Гаммельна ни один важный социальный процесс не может произойти, понимаете?

Как мы это делаем? Да, мы расширяем наше присутствие – наш Орден проводит Инициацию, и число Детей Гаммельна неуклонно увеличивается. Медленно, но неуклонно – и сила Ядра наполняет нас.

Я написал об этом все свои книги, пусть иносказательно, но я вывел наших Первых Магов, что готовы проводить Обряд, в виде героев – я рассказал все, что знал, об Орехе Кракатуке, об этом Граале истины, о фактическом нашем мироустройстве – но меня мало, кто понял.

И тогда я решился. Когда умер мой последний друг – я вызвал к себе старого друга, министра Циннобера, затаившего на меня обиду за то, что я слишком неприглядно описал его в одной из своих повестей – заодно мы примирились, и он провел надо мной тот обряд, который я проведу сейчас и над вами.

Не волнуйтесь, внешне не изменится ничего – вы просто сольетесь с одним из Детей Гаммельна, станете частью его и сможете по желанию менять свой облик. А заодно – получите долгую, возможно даже – почти бесконечную жизнь.

Я ее получил – официально кости Гофмана покоятся далеко отсюда, но сам Гофман – вернее Сын Гаммельна Амадей – жив, здоров и готов к новым свершениям. Разве не прекрасно?

Что? Вы спрашиваете «ради чего?». Ради сути нашего мира – мир, в котором изначально не было смерти, вполне может сам произвести бессмертие. И пусть нас гораздо меньше, но приближать этот мир к его первоначальному виду – в этом тоже наша задача.

Дайте мне вашу руку, друг мой. Не бойтесь, в этом нет ничего страшного...

11. Межпространство

Лица мелькали перед ним, складываясь в невероятный, умозрительный хоровод – он знал эти лица, помнил по школьным учебникам и научным книгам, эти лица вдруг начинали сменяться мышинными мордами, смотрели на него умными глазенками и растворялись в темноте – а его трясло и лихорадило.

Какая-то женщина со светлыми волосами положила руку ему на лоб, но он услышал голос Гофмана: «Не беспокойтесь, Розабельверде, с ним все будет хорошо,» – и вдруг понял, что за все это время так и не осознал, на каком из языков разговаривали с ним эти таинственные новые знакомые. Казалось, все языки смешались воедино.

А потом он увидел Орех.

Гигантский, огромный Орех, который плыл прямо на него во вселенской пустоте, и ровно по центру Ореха, хоть и скрытое тяжелой скорлупой, но все равно заметное, пылало и обжигало невероятным жаром Ядро. И тепло Ядра наполняло его, всего, целиком – и он бросился, поплыл, полетел напрямик к Ядру, ничего не осталось в мире, кроме этого Ядра, кроме безумной радости и теплоты обладания чем-то новым и главным.

Он понял, что это – Вечность.

И наконец-то – успокоился.

* * *

Поднявшись на ноги, он отряхнул колени и огляделся – они все стояли вокруг, рядом, весь Конклав с Кёнигом во главе. Их личины, видимые лишь простым людям, дрожали и размывались – подлинный облик был понятен.

Он протянул руки к лицу и понял, что метаморфоза случилась и с ним.

– Не волнуйтесь, агент Клэн, – с усмешкой проговорил министр Циннобер. – Вы привыкните. Довольно быстро – но привыкните и сможете легко удерживать нужное обличие. Никто не заметит подмены.

– Тем более, – сказала Розабельверде, – что вы неотразимы в любом облике – что в старом, что в новом.

– И никакое оружие, даже самое совершенное, не сравнится с вашими возможностями, агент Клэн, – добавил Фолиаль. – В вашем Управлении вполне будут довольны.

– Просто помните, что самый простой и быстрый проход к Ядру – именно здесь. Берегите это место, – добавил Кёниг.

Он немного потоптался на месте и понял, что же ему так сильно мешает.

– А хвост? Как же быть теперь с хвостом? – задал он самый главный вопрос.

– О, это самое простое, – расплылся в улыбке Гофман. – Это даже не маскировка, а очень простая техника. Я научу вас прямо сейчас.

КОНЕЦ

